

Я напрягла память, но так и не вспомнила, потому ответила: «Я ведь не каждую минуту рядом с матушкой, откуда мне знать, как она чаще её величает — „госпожа“ или „Ваше Величество“. К тому же в чертоге Цзычэнь обращения пёстрые, нельзя сказать, что если раньше не слышала, как она говорит „Ваше Величество“, значит, никогда и не говорила».

А-Хуань сказала: «Если она намеренно делает вид, что не ведаёт, то нам обеим стоит быть с ней осторожнее».

Я уже хотела её успокоить, но тут мысль мелькнула, и холодный пот прошиб спину. Я невольно села, стиснув зубы: «Со мной же есть люди от матушки. Неужели... они тоже под началом у Вэй Туаньэр?»

А-Хуань усмехнулась: «Ты только сейчас догадалась, что с тобой люди матушки? Не тревожься, они не подчиняются Вэй Туаньэр. Они достаточно умны, чтобы понимать, за кем будущее». Она взяла меня за руку, уложила обратно и принялась перечислять по пальцам: «Сун Фою — матушкина ставленница, это ясно; А-Юань, которую продвинула А-Цин, может для тебя узнавать новости у матушки, но точно так же может и матушке о тебе докладывать; Сяолан и прочие — та же история: могут и мне что-то проболтать, и матушке... Не кипятись, они не дуры, не станут докладывать о каждом твоём шаге. Ты уже взрослая, и матушке недосуг выслушивать о каждом твоём чихе. Людей она подселила, скорее всего, из-за мужа. Просто будь осмотрительна, и всё обойдётся».

Я нахмурилась: «Вернусь — и сразу наберу новых служанок, чтобы эти меня не окружали».

А-Хуань улыбнулась: «При нынешней власти матушки, кого бы ни вызвали на допрос, разве осмелятся не отвечать? Даже если соврут или утаят, стоит нескольких по отдельности допросить — и вся правда всплывёт. Лучше уж оставить тех, кого ты уже приручила. Вообще, раз у тебя свои поместья, можно поручить каждой управлять каким-нибудь участком. Арендная плата и налоги — дело жирное, а ты им не интересуешься. Со временем они непременно начнут хитрить. Ты делай вид, что не замечаешь, а сама тихом собирай на них улики. Когда суммы станут приличными, предъявишь доказательства. Измена и казнокрадство — смертные грехи, не только самих палками забить могут, но и семьи под удар подведут. Не думаю, что после этого кто-то осмелится тебя ослушаться. Но я знаю твой нрав, ты на такое не пойдёшь. Просто так, к слову. Просто будь с ними настороже».

От этих разговоров на меня снова накатила тоска. Я повалилась на спину и тихо пробормотала: «Кто сказал, что я не смогу? Если дело дойдёт до жизни и смерти, я... я смогу».

А-Хуань наклонилась ко мне, ущипнула за щёку: «Правда? Если я прямо сейчас заставлю тебя это проверить, согласишься?»

Я уже открыла рот, но она опередила: «У молодых служанок семьи на руках, сбережений нет. Если подвернётся возможность, наверняка хоть немного, да позарится. Сун Фою — чин высокий, во дворце много лет, семьи нет — та вряд ли клонет. Чтобы её прибрать к рукам, придётся иные методы пускать в ход... например, подбросить улики... На такое ты готова? Сделав это, сможешь ли потом спать спокойно? И потом, жадность-то растёт. Дай им в управление земли, пройдёт время, суммы станут огромными, власть раздуется — рано или поздно тебе всё равно придётся с ними разбираться. Выдержит ли твоя совесть? Ты А-Ян при казни не видела, а нас всех согнали смотреть. Она была старой служанкой, палачи оказали ей честь — тридцать ударов, и скончалась. А кому чести не оказывают, тех бьют двести-триста раз, пока из носа и рта кровь не хлещет, кости не ломаются, а они всё ещё дышат. У тебя на такое сердце не поднимется».

Не упомяни она А-Ян, а то как ножом по сердцу. Я закрыла уши ладонями, нахмурившись: «Давай завтра. Я... устала».

А-Хуань усмехнулась, снова легла рядом, плечом к плечу, и её рука протянулась, крепко сжимая мою: «Тайпин, ты когда-нибудь серьёзно задумывалась, чего ты на самом деле хочешь?»

Чего я хочу? До трёх лет ответ был прост: хочу домой, прочь из этой чужой эпохи, обратно в мою прежнюю жизнь. С трёх до двенадцати — тоже просто: хочу тихо-мирно дожить свой век в покое и счастье, а там посмотрю, не вернусь ли домой после смерти. После двенадцати я о возвращении и думать забыла, хотела только А-Хуань, всю, без остатка, душой и телом. Сейчас я всё ещё хочу её, но это желание как-то незаметно изменилось, превратилось во что-то смутное, невыразимое. С тех пор как я покинула дворец, вокруг стало куда больше людей и событий. Как ни стараюсь я о них не думать, они так и норовят настигнуть — то нарочно, то случайно. Если честно, мне ещё и шестнадцати нет, возраст по сути детский, но беззаботные дни юности, кажется, уже давно позади. Понимаю, конечно, что это я привередничаю, — я-то куда счастливее большинства шестнадцатилетних девушек моего времени, будь то дочери знати, вроде Цуй Мин-дэ, Ванъэр, А-Хуань или даже Дугу Шао, или крестьянки да служанки, вроде Сяньсянь и Сяолан. Но порой мне всё равно кажется, что это ненормально. В шестнадцать человек должен беззаботно учиться, купаться в безусловной родительской любви, безрассудно растрачивать свою глупую и дерзкую юность, а не с утра до вечера вынюхивать, что у матери на уме, мудрствовать лукаво о государственных делах, ночами красться на свидания к невестке и с возлюбленной обсуждать, как подставить подчинённых.

Верни меня на шестнадцать лет назад — ни за что не поверила бы, что окажусь рядом с «Вдовствующей Императрицей», «Императором» и «канцлерами», впутанной в государственные дела, о которых в прежней жизни разве что в учебниках читала.

По телевизору и в книгах всё так просто, а в жизни даже улыбку изобразить — и то мука, чтобы и уместно, и естественно вышло. Да и на экране люди не умирают по-настоящему. Кончится история — актёры выйдут и будут рассказывать смешные истории со съёмок. А здесь «смерть» — это и есть смерть. Живой человек исчезает. Никто не выйдет из-за кулис, не утешит потрясённых зрителей. И у «смерти» здесь много имён: членов императорской семьи и сановников могут «милостиво позволить умереть», провинившихся полегче — «удавить», менее удачливых — «казнить на рынке», а самых несчастных могут и казнить хуже, чем «смертью от тысячи порезов». И смерть одного — далеко не конец.

Я днями и ночами думала, как стать сильнее, и заставляла себя становиться сильнее — чтобы хватило сил защитить себя и А-Хуань. Но иногда я задумываюсь: а что, собственно, значит «быть сильным»? И стоит ли та цена, которую за эту силу придётся заплатить?

А-Хуань не стала настаивать на ответе. Она просто терпеливо смотрела на меня, одной рукой обнимая, давая мне положить голову на её руку, а другой мягко похлопывая по спине. В детстве, когда я тосковала по дому и была капризной, мать тоже так нежно похлопывала меня, убаюкивая. Мой дед был человеком простого происхождения, говорил с акцентом, и мать переняла от него множество песен из округа Бин. О своей жизни в Бин она никогда не вспоминала, лишь в такие моменты тихонько напевала странные деревенские напевы. Голос её звучал тогда искренне, по-матерински мягко, и эта мягкость меня обманывала, заставляя думать, что она просто несколько властная императрица, которая случайно носила фамилию У. Эта же мягкость обманула и Ли Шэна с Ли Жуюем — они тоже считали её в первую очередь матерью, а не политическим противником.

Я тихо приподняла голову и посмотрела на А-Хуань, на её блестящие во тьме глаза: «А-Хуань, а ты петь умеешь?»

<http://bllate.org/book/16278/1467104>